

НИКОЛАЙ
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ
ПОЛКОВНИКУ
никто не верит

Полковник Гуров

Николай Леонов

Одержимый

«Научная книга»

Леонов Н. И.

Одержимый / Н. И. Леонов — «Научная книга», — (Полковник
Гуров)

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	22
Глава 5	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Николай Леонов Алексей Макеев Одержимый

Глава 1

Телефонный звонок среди ночи – сродни трубе архангела. Изначально предполагается, что ничего хорошего ночной телефонный звонок нести не может. Тревожить операторов и тратить драгоценное время отдыха на разговоры решится только человек, у которого имеются для этого веские причины. И уж наверняка вам не станут звонить посреди ночи, чтобы сообщить, будто вы выиграли миллион, с которого не нужно платить налоги. Ведь даже если вас захотят развести, то и в том случае предпочтут сначала напугать, чтобы воспользоваться растерянностью и смятением. В этом случае страх действует вернее, чем любая иная эмоция. Ведь страх был задуман Природой, как самая надежная охранная система, чтобы спасти живому существу эту самую жизнь. И так было до тех пор, пока не начался научно-технический прогресс. Теперь страх в сочетании с техническими средствами стал оружием массового поражения, от которого невозможно защититься в принципе.

Взять, например, ночные телефонные звонки с угрозами. Они застают человека врасплох, теплого и беззащитного, как младенца. Спящий человек бессилен, наг, он наедине с темнотой и призраками ночи. Каждое слово вбивается в его тело, как раскаленный гвоздь или ядовитое жало, приносящие невыносимые страдания.

Проводник железнодорожного состава Григорий Емельянович Трунин, равнодушный и ничем не примечательный человек сорока лет, испытал это на себе в полной мере.

Телефон принялся трезвонить по ночам, начиная с понедельника. Трунин как раз отдыхал после далекого рейса Москва – Хабаровск. В пятницу ему нужно было отправляться в новый вояж. Дело для Трунина привычное, но, если откровенно, надоевшее до тошноты. Когда тебе двадцать лет, убегающие вдаль рельсы рожают только романтические представления и намекают на возможное впереди счастье. Когда большая часть жизни прожита, и надеяться особенно не на что, то и двигаться никуда не хочется. И особенно не хочется устремляться в такую чертову даль, как Хабаровск или, скажем, Благовещенск. Хочется завалиться на диван с банкой пива и тупо пялиться в экран телевизора. Или поковыряться в гараже с мотором новенькой тачки, если на таковую удалось накопить денег.

Деньги были. Правдами и неправдами Трунину удалось скопить некоторую сумму (держал он ее не в Сбербанке, а в старом неработающем телевизоре, в котором специально для этой цели разобрал переключатель каналов). Тайник надежно хранил сбережения. Но никак не удавалось собраться и купить эту чертову тачку. Да и вообще на личную жизнь времени никогда не хватало. Только-только отойдешь от рейса, а уже пора собираться в новый. Даже жениться, и то не получалось.

Правда, виды кое-какие у Григория Емельяновича в этом плане имелись. Ходила к нему одна женщина, хозяйственная, внимательная и с вполне привлекательной внешностью. Имя ее Трунину тоже нравилось – Валентина. Одним словом, женись хоть завтра. А все как-то не хватало времени. Иногда Трунин отчетливо чувствовал, что упустит он в конце концов Валентину, как упустил удачу, лучшие годы жизни, возможность сделать карьеру. Все разошлось по мелочам. Все в его жизни было настолько банальным и неприметным, что даже самому Трунину было скучновато. Что уж там говорить про посторонних! Исчезни на завтра Трунин раз и навсегда, и то вряд ли кто-нибудь это заметит, настолько он был никому не интересен. Нет,

конечно, приятели у него имелись, и женщина вот была – все как у людей, но ничего особенного, жизнь – сплошная рутина.

Тем более казалось совершенно невероятным, чтобы кому-то взбрело в голову звонить Трунину по ночам и угрожать ему. Зачем? Ради чего? Ясное дело, жилплощадь в Москве стоит денег, но таким образом можно пугать всю Москву по алфавиту. Квартирка у Трунина была в типовой пятиэтажке, на самой окраине, до нее у властей никак не доходили руки, даже чтобы снести – так что губы раскатывать не на что. Тут рядом таких владельцев десятки, и все спят по ночам как сурки, никто их не пугает звонками. Григорий специально узнавал. А ему звонили.

Первый звонок случился дня три назад.

Разбудил его какой-то гад часа в два ночи, когда Трунин уже видел десятый сон. И сказал очевидную глупость, едва Григорий откликнулся сонным встревоженным голосом. Сказал этот гад примерно следующее:

– Спишь, Трунин? Сны хорошие снятся? Должны бы кошмары мучить. Нет? Странно! Совесть, значит, не тревожит?

Трунина отчего-то мороз пробрал по коже, но он ответил этому типу как надо – обложил его матом с ног до головы и положил трубку. Хорошо, в эту ночь Валентина у себя ночевала, не видела, как он разволновался. А он разволновался – курил, сидел на кухне в темноте и долго не мог заснуть. Звонок в эту ночь не повторился.

Повторился он на следующую ночь. На этот раз Валентина была у него. Трунин про ночного шутника уже забыл и вообще отошел ко сну расслабленный и удовлетворенный. Засыпая, подумал: «Нет, женюсь, точно! Возьму отпуск на две недели и женюсь...»

Звонок раздался в четыре утра. Или ночи. Как кому больше нравится. Трунину это не нравилось никак.

– Значит, грехов не замаливаешь? – поинтересовался все тот же голос в трубке. – Скверно, Трунин! Я ведь не господь. Это он, говорят, четыреста девяносто грехов прощал. А я и один твой грех не прощу. Я пришел мстить, Трунин! Возмездие – дело святое. Готовься.

– Идиот! – сказал на это Григорий и бросил трубку.

– Кто это? – промурлыкала сквозь сон Валентина, сладко потягиваясь.

– Мерзавец какой-то! – ответил в сердцах Трунин и пошел курить на кухню.

Он уже начинал подумывать, не обратиться ли ему в милицию по поводу ночного хулигана, но решил подождать еще немного – вдруг тому самому надоест валять дурака.

В глубине души Григорий, однако, не считал, что таинственный мститель валяет дурака. Было в ночном звонке что-то жуткое, отчего щемило сердце и леденило кровь. Трунин пытался сообразить, в чем тут дело, но никак не мог ухватить за хвост тревожную мысль. Он припоминал своих многочисленных попутчиков, бесчисленных пассажиров, мотающихся по безграничным просторам родины. Среди них попадалось немало чудаков, но таких, чтобы могли воспылать к Трунину священной ненавистью, таких, кажется, не было. Он старался со всеми находить общий язык. Не угодить, но идти на компромисс. В мире сложно выжить, если не идешь на компромисс. Слишком много людей, которые сильнее тебя. Физически сильнее или имеют опасных друзей, большие связи, серьезные деньги. Это только в молодости кажется, будто перед тобой открыта широкая дорога, и ничто не может тебя остановить. Подобные глупости Григорий давно выбросил из головы. Жизнь научила. Поэтому врагов у него как будто не было. Трунин научился обходиться без них. Кому же, в таком случае, понадобилось трепать ему нервы и обещать по ночам скорую расправу?

Надежда, как известно, умирает последней, и Григорий до последнего надеялся, что сбрендивший шутник все-таки оставит его в покое. Но вот и сегодня посреди ночи по нервам резанул протяжный звонок, казалось, наэлектризованный тревогой и страхом.

Проще всего, конечно, было отключить на ночь телефон, выдернуть вилку, но ведь хотелось знать, чего от него кому-то нужно! Григорий и на этот раз снял трубку.

– Спишь спокойно, Трунин? – с какой-то злорадной торжественностью произнес голос. – Крепкая у тебя шкура! Но я тебя выпотрошу! Час настал. Я иду, чтобы совершить возмездие.

– Послушай, не знаю, как тебя там, – волнуясь, быстро сказал Григорий. – Может, ты по-человечески скажешь, чего тебе от меня нужно? Я тебя не знаю. Если, может быть, когда-то ненамеренно обидел тебя, так скажи – разберемся спокойно. Зачем эти крайности – совесть, возмездие? Мы же нормальные мужики, правильно? Значит, всегда можем договориться...

– Я бы не назвал твой поступок ненамеренным, – ответил незнакомец, – и обида – это неподходящее слово. Однажды ты совершил подлость, и теперь ты за нее заплатишь, как полагается платить за подлость. Меня не интересует, что думают по этому поводу нормальные мужики. Я уж точно не нормальный мужик.

– Но кто ты? – неуверенно пробормотал Трунин, беспомощно оглядываясь по сторонам.

– Не помнишь? – усмехнулся собеседник. – Или не хочешь помнить? Ну ничего, я скоро освежу твою память...

В трубке раздались гудки, а потом наступила тишина. Трунин с преувеличенной осторожностью положил на рычаг трубку, словно это была взрывчатка, и на цыпочках подошел к окошку. За затуманенным стеклом просматривалась спящая заснеженная улица, освещенная ночным фонарем. Снега было мало – городские службы работали, да и в этом году зима не баловала снегопадами. Но то, что на улице холодно и тоскливо, ощущалось. Примерно так же было сейчас на душе у Трунина.

Валентина не ночевала сегодня – сослалась на приезд какой-то тети из Рязани. Правда это или женская уловка, у Трунина не было никакого желания выяснять. Он считал, что человек имеет право на маленькие тайны, будь он хоть мужчиной, хоть женщиной. Но из-за того, что Валентины сегодня не было, Трунин чувствовал себя особенно одиноким. Ему позарез нужно было разделить с кем-то свою тревогу. Перебрав в памяти знакомых, Трунин, однако, понял, что желающих разделить его проблемы этой глухой ночью не будет. В лучшем случае его вежливо и культурно пошлют. Оставалось одно – искать сочувствия у славной милиции.

Трунин позвонил в дежурную часть и долго, путано объяснял, что с ним стряслось. К нему отнеслись настороженно и придирчиво выясняли, не пьян ли он. Потом посоветовали покрепче запереть входную дверь и не обращать внимания на глупые звонки. Приехать не то чтобы не обещали, но намекнули, что приехать в ближайшее время не смогут – большая загруженность и проблемы с транспортом.

Несмотря на такую отповедь, милиция все-таки приехала к Трунину и приехала довольно скоро. Обрадоваться ему, впрочем, не удалось, потому что прибывший наряд держался недоверчиво, милиционеры все принюхивались к Трунину – нет ли у него какой-либо стадии опьянения или вообще белой горячки, а потом убедили, попеняв ему перед отъездом за то, что отряпывает людей от важных дел.

– Вот вы звоните, отвлекаете, – сказал ему строгий лейтенант, – а на другом конце, допустим, магазин вскрывают. А мы здесь.

– Я все понимаю, – с тоской отозвался Трунин. – Но мне-то как быть?

– Да не обращай внимания! – ободрил его второй милиционер. – Мужик ты или нет? Он позвонит, а ты его пошли по матери!.. Сейчас, знаешь, сколько таких шутников развелось? Если на каждый звонок выезжать, никаких кадров в милиции не хватит! Пожестче, понял? И телефон еще можно отключить. Ты же не на дежурстве, в конце концов! Отключи и спи спокойно.

Они уехали, но Григорий уже не мог спать. Правда, и телефон он отключать не стал. Не верилось ему, что дело только в этом. Нервы расшалились, поэтому Трунин отправился на кухню курить и очень пожалел, что, будучи почти равнодушным к спиртному, не запасся на такой случай поллитровкой. Сто пятьдесят ему бы сейчас не помешали.

А когда он докуривал вторую сигарету, телефон зазвонил снова.

– Моя милиция меня бережет? – насмешливо спросил тот же голос. – Бравые ребята! И вооружены до зубов. Знаешь, на меня эта демонстрация произвела большое впечатление. Жаль, что все так быстро закончилось. Или кто-то у тебя остался, Трунин? В засаде, а? С пулеметом. Признайся, устроил засаду в прихожей?

В вопросе звучала откровенная издевка. Было совершенно ясно, что неизвестный «шутник» прекрасно видел, как приехали и как уехали милиционеры – возможно, даже слышал, о чем они между собой переговаривались. А Трунин догадывался, о чем они могли переговариваться. О том, что из-за таких паникеров, как он, приходится мотаться по ночам и жечь казенный бензин. Никому это неинтересно.

И что ему было делать теперь? Второй раз звонить в милицию? Его поднимут на смех или самого обвинят в ложных звонках. Или приедут, а тут опять никого. Ментов лучше не дразнить. Они ведь тоже могут такое возмездие устроить – мало не покажется.

Однако сидеть и ждать у моря погоды тоже было глупо. Этот чертов мститель совсем не похож на шутника. Слишком затянулась эта шутка. А если учесть, что он все время находится где-то рядом и терпеливо наблюдает за тем, как приезжают и уезжают милиционеры, не обращая внимания на усталость и мороз, то картина получается и вовсе неприглядная. Что если ему и впрямь взбредет в башку вломиться к Трунину в квартиру? Шутников сейчас много, но и маньяков как собак нерезаных. Если такой заикнется на твоей смерти, то доведет дело до конца, это уж будьте уверены. Газеты каждый день сообщают о таких случаях. Вот и получается, что нужно принимать какие-то меры, чтобы обезопасить себя. В самом деле, для начала нужно проверить дверь, найти что-то похожее на оружие и попытаться вычислить этого типа – кто он такой, где прячется. Если бы удалось хотя бы приблизительно понять, откуда грозит опасность, можно было чувствовать себя увереннее, и даже в милицию обращаться было бы проще.

Трунин выбрал на кухне самый здоровенный нож, какой только имелся в его хозяйстве, и, не зажигая света, опять выглянул на улицу. Неуютная ледяная мостовая, безжизненные дома вокруг, черное небо над крышами – ничего примечательного. Если где-то среди этого пейзажа и прятался маньяк, то в глаза он явно не бросался. И тишина была какая-то не городская, точно на кладбище. От подобных сравнений у Григория мороз прошел по коже. Он еще раз проверил входную дверь и, пользуясь тем, что находился в квартире один, и его никто не мог высмеять, Трунин вдруг решил остаться в прихожей. Он притащил стул и сел на него верхом. Таким образом он мог сторожить дверь с максимальными удобствами. Теперь мимо него и мышь бы не проскользнула.

Сначала он сидел в крошечной темноте с ножом в руке, потом устал и положил нож на колени. Потом незаметно уснул, обнимая спинку стула. Было неудобно, но спокойно на душе, и Григорий погрузился в сон, крепкий как у младенца.

Ему даже приснилось что-то хорошее – странная вещь для человека, ожидающего маньяка. Трунин спал бы и дальше, до самого утра, но вдруг сквозь сновидение до его слуха донесся тихий звук, который сработал вернее любого будильника. Григорий разом очнулся и облился холодным потом. Кто-то копался в дверном замке!

Трунин схватил нож и вскочил, опрокинув стул. Грохот показался ему сравнимым с грохотом горного обвала. Сердце стучало так, что эхо отскакивало от стен. Во всяком случае, так казалось Григорию. Но того, кто пытался проникнуть в квартиру, весь этот шум, похоже, нисколько не впечатлил. Он упорно продолжал делать свое дело, и уже в следующую секунду Трунин услышал щелчок открывающегося замка. В прихожую нырнула страшная черная тень.

Обмирая от ужаса, Григорий закричал и что есть силы ткнул ножом в то место, где, по его расчетам, должна была находиться страшная тень. Нож со свистом рассек воздух, а из темноты в лицо Трунину вылетел твердый, как камень, кулак и оглушил его плотным ударом в лоб.

Искры брызнули у Григория из глаз, а потом сделалось совершенно темно. Все вокруг наполнилось каким-то ужасно далеким звоном, словно куда-то за холмы уносились одна за другой тройки с колокольчиками. Трунин был далеко не субтильного телосложения, а с учетом его не слишком подвижной работы, в последние годы он набрал еще пять килограммов лишних, но удар незнакомца был такой силы, что отбросил его через всю прихожую и вернул на кухню. Каким-то чудом после этого чудовищного удара Трунину удалось, перевернувшись через голову, опять оказаться на ногах.

Нож он, конечно, потерял и вести дальнейшую борьбу не мог. Его спасло то, что незнакомец почему-то замешкался в прихожей. Григорий только успел расслышать его сдавленный голос, произнесший что-то вроде: «Ну, Труха, гад!..», и к нему на миг вернулось сознание. Его поразило прозвище, которым его называли. Нельзя сказать, что оно было неизвестно Трунину, но он никак не мог вспомнить, кто и когда его так называл. Все плыло у него в голове. Но кое-что Григорий сумел сделать. Он сумел вскочить на подоконник и, выворотив раму, осыпанный щепками и осколками, сиганул вниз с третьего этажа.

Удар об асфальт был так силен, что у Трунина едва не выскочили зубы. Он почувствовал дикую боль в ногах и пояснице, услышал хруст собственных костей и теперь уже окончательно потерял сознание. Естественно, он не мог видеть, как в окне на третьем этаже на краткий миг появилась и пропала черная голова. Григорий даже не видел, как из-за угла выскочила сверкающая огнями «Скорая», которая мчалась куда-то совсем по другому вызову, но бригада, сидящая в автомобиле, просто не смогла проигнорировать совершившийся на их глазах случай самоубийства.

Трунина освидетельствовали, оказали помощь и доставили в ближайший травмпункт как неизвестного с суицидальными наклонностями, требующего наблюдения психиатров. В Хабаровск он уже не уехал, зато остался жив и даже получил какое-то время на то, чтобы осознать, что же все-таки с ним случилось.

Глава 2

Директору спортивного комплекса совсем не обязательно придерживаться в одежде спортивного стиля. Но этот придерживался. Голубовато-стальной блейзер с набивной эмблемой футбольного клуба «Реал», темные зауженные брюки из тонкой шерсти, ослепительно-белые кроссовки на ногах. Директор был довольно молод, по-спортивному подвижен, но изрядно напуган, отчего подвижность эта более походила на вынужденную суетливость. Полковнику Гурову, старшему оперуполномоченному по особо важным делам, представлялось, что напуган Павел Петрович Рудников (так звали директора) не столько тем жутким убийством, что произошло во вверенном ему спортсооружении, а о возможном в связи с этим печальным событием любопытстве, которое правоохранительные органы вполне могут проявить к финансовым делам спортивного директора.

Сам-то полковник Гуров не склонен был связывать смерть тренера детской гандбольной команды Смирнова Анатолия Романовича с возможными финансовыми махинациями его шефа. Слишком вызывающим был антураж этого убийства. «Допустим, Смирнов что-то такое узнал про своего подвижного шефа, – размышлял про себя Гуров. – Взятки, сметы, левые зарплаты... Стал шантажировать или пригрозил сообщить в милицию. Допустим, Рудников испугался, разгневался, все, что угодно – но как поверить в то, что вслед за этим он повесил своего подчиненного в спортивном зале за ноги, мучил его и, наконец, прикончил изуверским способом? Этот Рудников, может быть, и плут, и нечист на руку, но расправляться с врагами на манер древних скифов? Да еще прямо на месте? Не полный же он идиот! И по глазам не видно, что идиот. Живые глаза, сметливые. Нет, в кандидаты на убийство этот живчик пусть встает в самый конец очереди. Тут что-то другое! Скажем, из древнегреческих трагедий. Потому что все, что мы тут увидели, поражает на первый взгляд своей кровожадной бессмысленностью. Так только в трагедиях бывает, где действуют некие высшие силы, а человек – лишь слепое оружие в их руках».

Полковнику Гурову неспроста пришло в голову подобное сравнение. Убийство в спортивном комплексе «Арена юных», расположенном на юго-западе Москвы, и в самом деле отличалось кое-какими странностями. В официальных сводках такие убийства характеризуются, как совершенные с особой жестокостью.

Особая жестокость в детском спортивном комплексе – вещь сама по себе неприятная, не вписывающаяся в обыденные представления о детском учреждении. Но здесь все буквально выпирало за рамки обычного. Убит был тренер, убит по непонятным мотивам, убит без свидетелей в пыльном зале, который временно не использовался для тренировок, – там частично меняли полы. Тренера подвесили за ноги на веревке, перекинув ее через закрепленное в потолке кольцо – обычно туда вешали спортивный канат – некоторое время пытали, а потом убили. Как гласило заключение экспертизы, «...скончался от закрытой черепно-мозговой травмы, сопровождавшейся отеком мозга и обильным кровоизлиянием...». То есть, грубо говоря, несчастную жертву двинули по голове чем-то вроде кувалды – точно корову на бойне. Хотя в наше время даже на бойне применяются более гуманные методы умерщвления.

Впрочем, эксперт склонялся к тому, что орудием убийства послужила отнюдь не кувалда, а полированный стержень от штанги, который убийца позаимствовал в секции тяжелой атлетики. Разумеется, отпечатков пальцев он на нем не оставил, но следы удара присутствовали недвусмысленные. Тщательный анализ вряд ли бы изменил первоначальное мнение эксперта о том, что стержень от штанги и есть орудие убийства.

Исходя из существующих обстоятельств, Гуров пришел к выводу, что преступление было заранее спланировано и тщательно исполнено. Вряд ли преступник просто так вошел в спорткомплекс, выбрал себе первую попавшуюся жертву и расправился с ней столь мудреным спо-

собою, сумев при этом остаться незамеченным. Свидетелей преступления не было. Никто из персонала не мог утверждать, что видел постороннего человека в комплексе. То есть посторонние здесь были обычным делом, но Смирнов был убит около полуночи, когда в комплексе никого практически не оставалось, а значит, явиться по его душу преступник должен был в тот момент, когда все тренирующиеся и работники расходились по домам. Но уборщики, которых опросил Гуров, не могли припомнить, чтобы рядом со Смирновым вертелся кто-то из посторонних. Хотя все утверждали, что жесткой пропускной системы в учреждении не было, и любой человек мог пройти в любой спортивный зал. Войти и выйти. После закрытия выйти было довольно сложно, потому что устройство огромных окон в залах не позволяло обычному человеку в них проникнуть, а окна в коридорах первого этажа были забраны решетками. Впрочем, каким путем преступник покинул помещение, стало довольно скоро ясно – не мудрствуя лукаво, он выпрыгнул в окно из коридора на втором этаже. Его следы обнаружил помощник и старый друг Гурова – полковник Крячко, жизнерадостный крепыш, намеренно разыгрывающий из себя рубаху-парня и настолько вжившийся в эту роль, что иногда даже сам в нее веривший.

– Лева! – сказал Станислав. – Этот гусь сиганул со второго этажа, а там высокогато.

Гуров пожал плечами.

– Это о чем-нибудь говорит? С самого начала у меня не было никаких сомнений, что убийца – физически развитый и решительный человек.

– Ага, спортсмен! – подхватил Крячко. – Это был спортивный поединок. Напоминает чем-то анекдот. Заспорили однажды два спортсмена...

– Кончай трепаться! – нахмурился Гуров. – Не самый подходящий момент, между прочим.

– А я серьезно, – сказал Крячко. – Смотри, все произошло на территории спорткомплекса, с применением спортивных снарядов, между спортивными людьми. Налицо конфликт схожих интересов. Посторонних никто вроде бы не видел. Не исключено, что у погибшего имелись враги в трудовом коллективе. И вот конфликт зашел слишком далеко. Враги задержались после работы и устроили кровавые разборки.

– В твоей версии все очень правдоподобно, – согласился Гуров, – но у меня большие сомнения относительно врагов. До сих пор никто о врагах не заикался. Это представляешь, какой накал ненависти должен существовать, чтобы человек вот так расправился с коллегой? Вряд ли такую ненависть можно было скрыть от остальных членов коллектива. Но, впрочем, можно уточнить этот факт еще раз.

Гуров снова обернулся к директору спорткомплекса, который с потерянными видом озираясь по сторонам. Он был сейчас похож на человека, выброшенного волной на необитаемый остров.

– Павел Петрович, вы слышали? Мой товарищ предполагает, что в вашем коллективе мог существовать конфликт между сотрудниками. У тренера Смирнова могли существовать какие-то враги среди коллег или, может быть, среди воспитанников? Я этого тоже не исключаю. А что вам известно?

Рудников встрепенулся, с готовностью подался в сторону Гурова и энергично замотал головой.

– Нет-нет-нет! – с горячностью воскликнул он. – Чтобы в нашем здоровом, в сущности, коллективе... То есть я хочу сказать, что ничего подобного я не замечал. И никто не замечал, голову даю на отсечение! Конечно, мы здесь как маленький слепок с большого общества, и всеобщее падение нравов не могло не затронуть даже такую деликатную область, как детский спорт, но... То есть у Анатолия Романовича были свои недостатки, но...

Директор недолго колебался, а потом доверительно приблизился к уху Гурова и, привстав на цыпочки, сказал звенящим шепотом:

– У нас все знали, что Анатолий Романович, м-м-м... Ну, скажем, так – любил приложиться к бутылке. Я тоже об этом знал, каюсь. Но с другой стороны... В общем, у меня не было прямых доказательств, а обязанности свои Смирнов выполнял и прекрасно ладил со всеми. Скажу откровенно, как работник он меня до сих пор устраивал. Есть такие люди – они не теряют разума, даже крепко выпивая. Смирнов был из таких.

– Вот, значит, как! Интересная характеристика! – Гуров был откровенно изумлен. – Там в спортивном зале, где произошла трагедия, в укромном уголке были найдены бутылка водки, стакан и нехитрая закуска. Пока не проведена тщательная экспертиза, не стоит торопиться с выводами. Но судя по тому, что вы рассказали, Смирнов собирался отметить конец рабочего дня? Он пил ежедневно?

Директор сделал скорбное лицо.

– К сожалению, почти ежедневно! Сам я не видел, но мне докладывали, что он частенько задерживается в комплексе, чтобы раздавить бутылку. Не знаю, в чем тут дело. Возможно, ему просто не хотелось идти домой. Он был одинок.

– И как же, будучи ежедневно пьяным, Смирнов мог тренировать детскую команду?

– Ну-у, – директор развел руками. – Он же не с утра пил. Впрочем, никаких жалоб на него никогда не поступало. Ни со стороны сотрудников, ни со стороны детей. Нет, работу свою он выполнял прекрасно. Вот разве что человек он был мрачноватый, неразговорчивый, все в себе держал.

– А он к вам откуда пришел? Где он раньше обретался?

– Он сам играл в команде мастеров, потом окончил тренерские курсы. Биография обычная, ничего сенсационного. Насчет криминала будьте спокойны. Мы своих сотрудников проверяем. Все-таки дети, ответственность двойная!..

– Понятно-понятно, – кивнул Гуров. – Значит, никаких грехов, кроме пристрастия к зеленому змию, но кому-то очень понадобилось расправиться с господином Смирновым – тихим алкоголиком с безупречной репутацией – самым жесточайшим образом. Интересно, кому это понадобилось? Роковая случайность? Маньяк? Залетный грабитель?

– Мне понятна ваша ирония, – вздохнул Рудников. – Действительно, в ваших глазах мы все тут оказались в несколько неприятном ракурсе. Но уверяю вас, до сих пор в нашей работе не было никаких сбоев. И начальство, и родители, и дети, разумеется, – все были довольны...

– Я не сомневаюсь, – перебил Гуров. – Я просто размышляю вслух. Все-таки очень странное происшествие. Вникнув в то, что вы рассказали, я представил себе такую картину – вчера Анатолий Романович закончил тренировку, попрощался с ребятами, которые у него занимались, принял душ, переоделся, достал заветную бутылочку и удалился в этот зал, где, по-видимому, уже никого не было, а уборщики сюда не заглядывали, поскольку в зале ведется ремонт, правильно?

– Ну, наверное, – пожал плечами Рудников. – Сейчас трудно судить. Но вы нарисовали весьма правдоподобную картину. Мне говорили, что Смирнов умел находить укромные уголки, где можно было выпить в одиночестве и без помех. Он никогда не искал собутыльников. Он вообще сторонился компаний. Предпочитал общество подростков. Они его тоже уважали.

– Возможно, но нас интересует сейчас другое. Итак, Смирнов уединяется с намерением распить в тишине заветную бутылку. Но тут появляется некто, спортивный, сильный и агрессивный. Распития не происходит. Происходит расправа. Причем тщательно организованная – никто не слышал шума борьбы, да ее, судя по всему, и не было: жертва была надежно связана и подверглась издевательствам, а затем убита свирепым ударом по голове. Затем преступник покинул комплекс – видимо, когда из него уже все разошлось. Однако ни ограбления, ни каких-либо переговоров не было. Рот у мертвеца оказался залеплен скотчем. То есть я понимаю так – Смирнова ни о чем не спрашивали, и не желали слушать, что он скажет. А вот он некото-

рое время подвергался пыткам и выслушивал то, что ему намеревался высказать убийца. Как хотите, но по моему глубокому убеждению, все это безобразие – не простая случайность. Оно очень хорошо подготовлено и исполнено без сучка и задоринки. Кто-то имел очень большой зуб на господина Смирнова. Мотив мести здесь подходит больше всего. Скажите, а ваш тренер... Одним словом, не было ли у него, случайно, порочных наклонностей? Не хотелось бы говорить худого про покойника, но среди тех, кто работает с детьми...

– Господи! Только не это! – Рудников побледнел и по-женски прижал ладони к щекам. – Вы хотите сказать, что Смирнов был склонен к педофилии?

– Мы не должны игнорировать эту версию. Подобный мотив может подтолкнуть к убийству даже кроткого человека.

– Вы хотите сказать, что кто-то из родителей... – вид у Рудникова был ошарашенный.

– Стоп! – предостерегающе произнес Гуров. – Напрасно я все это при вас сказал. Забудьте. Увлёкся. Все это должно остаться пока только у меня в голове. Это всего лишь версия, понимаете? Если у вас есть факты, подтверждающие ее...

– Нет-нет, что вы! – замахал руками Рудников. – Ни о чем подобном у нас тут и слышно не было! Насчет выпивки Смирнов был слабоват, а чтобы... Нет, этого не может быть!

– Не может, так не может, – согласился Гуров. – Тем лучше. Но тогда вопрос остается. Кому понадобилась смерть детского тренера? Если что-то вспомните, Павел Петрович, обязательно нам сообщите. Вот мой служебный телефон. Но знаете, все-таки желательно было бы переговорить с той группой, которую тренировал Смирнов. Организуйте нам на завтра встречу с детьми. По возможности, со всеми. Чтобы уже отбросить всякие сомнения.

– Я обязательно сделаю это, – пообещал расстроенный Рудников. – Просто все это так неожиданно... Но мы сегодня же обзвоним всех ребят.

Едва Гуров и Крячко отошли от директора, как их окликнул эксперт Митрохин. Это был пожилой, не улыбочивый человек с редкими, прилизанными на висках волосами и внушительным животом, который, казалось, едва удерживался застегнутым на последнюю дырочку ремнем.

– Лев Иванович, – обратился он к Гурову. – Я слышал, как вы рассуждали о мотиве мести. Не знаю, прав ли я, но хочу обратить ваше внимание вот на какой факт. Я тут выезжал на днях с бригадой по одному адресочку. «Скорая» подобрала человека, когда он выбросился из окна. Выбросился, можно сказать, прямо им под колеса. Медики расценили это как попытку самоубийства. Ну, доставили гражданина в больницу. Но он повел себя там настолько странно...

– Ну, если человек сам сигает в окошко, – заметил полковник Крячко, – то иного от него и ожидать-то не стоит.

Митрохин строго и осуждающе посмотрел на оперативника и повысил голос:

– Он не по своей воле сиганул в окошко, господин полковник! Из его сбивчивых объяснений выяснилось, что его жизни угрожали, и он выбросился в окно от безысходности. А суть в том, что несколько ночей подряд какой-то мерзавец названивал ему и предупреждал, что будет мстить.

– За что? – спросил Гуров.

– Тут история темная, – нахмурился Митрохин. – Я, Лев Иванович, в нее не вникал. Это дело ведет следователь Кружилин Роман Игнатьевич. Вы с ним поговорите. А я, собственно, хотел вот на что обратить ваше внимание. Когда мы выехали на квартиру этого чудака, то обнаружили там кое-что. Ну, во-первых, следы проникновения в квартиру постороннего. То есть кто-то открыл входной замок с применением отмычки. Инструмент у преступника был, между прочим, отличный, но следы же все равно никуда не денешь! Ну а обратил на себя внимание моток веревки, который, как я предполагаю, обронил преступник, когда события повернулись неожиданным для него образом.

– Что вы имеете в виду, Иван Иванович? То, что хозяин квартиры выбросился в окно? – уточнил Гуров. – Полагаешь, что он напугался преступника?

– А кто бы не напугался? Он до сих пор, говорят, напуган – до такой степени, что не называет никому своего имени, хотя следствию оно давно известно. Все же знают, из какого окошка он выскочил! Но ему сейчас главное, чтобы его в больнице не нашли. Но про этого, который веревку в его квартире обронил, он рассказывает настолько путано, что просто какая-то чепуха получается. Впрочем, это дело не мое, а Кружилина. Я почему обо всем этом сейчас заговорил, потому что вы про месть упомянули, и потому, что на том потерянном в квартире мотке веревки имелся заранее заготовленный беседочный узел. Понимаете? Тот преступник захватил с собой прочную веревку с заранее приготовленным узлом. Видимо, чтобы на месте не терять времени на завязывание узла. А для чего ему понадобился этот заранее заготовленный узел? Может быть, он собирался подвесить свою жертву за ноги, как это произошло в нашем случае? Обратите внимание, убийца Смирнова поступил именно таким образом...

Митрохин мог раздражать манерой излагать собственные мысли – подробной, размеренной и вызывающей что-то вроде мозговой оскотины, но в рациональности доводов отказать ему было невозможно. Гуров почесал переносицу.

– Значит, говорите, месть? А кто такой этот ваш прыгун? Что про него известно? Профессия, род занятий?

– Да не помню я, Лев Иванович! – досадливо ответил Митрохин. – Не мое это дело. Да и по правде говоря, в ту ночь вообще не я должен был дежурить. Адрес могу вам назвать, а там дальше с Кружилиным разговаривайте. Да еще с вашим Шаповаловым из убойного отдела. Он выезжал первым на это дело. Между прочим, уверен, что все это белая горячка – не более. Злой как черт. Я-то про белую горячку не согласен – у хозяина на квартире никаких следов пьянства, полный порядок, даже странно. И потом, узел-то тут при чем? Где вы видели алкашей, которые бы по гостям с веревкой ходили? У них хлеба не найдешь, не то что веревки!.. Так что ваш Шаповалов тут не прав!..

Шаповалов из убойного отдела был грубым и громогласным мужиком, который предпочитал простые решения и ясные формулировки. Запутанные дела ему старались не поручать. Брать Шаповалова под свое крыло Гуров ни за что бы не согласился, но сейчас он не стал спорить с экспертом. Ваш так ваш.

Перед тем, как покинуть комплекс, Гуров еще раз захотел взглянуть на труп убитого тренера. На неподвижном лице несчастного застыла гримаса страдания.

– В чем же ты мог провиниться, брат, что так жестоко расплатился за свою вину? – хмурясь, пробормотал себе под нос Гуров.

Глава 3

Дверь тамбура со скрежетом распахнулась, и внутрь проник морозный клубящийся воздух. Константин Чижов бесцеремонно оттеснил в сторону проводницу и выглянул наружу, стиснув ледяные поручни голыми пальцами. Ему было приятно вдыхать запах ядреной русской зимы, ощущать холодную твердость металла, жмуриться от искрящейся в лучах солнца изморози, которая заполняла все пространство над маленьким перроном.

– Эх, хорошо! – с чувством сказал он и молодецки прыгнул вниз, презрев ступеньки.

За ним с чемоданами и сумками в руках последовали сопровождающие – их было четверо. Двое, Алексей и Виктор, являлись доверенными людьми, выполнявшими функции охраны и советников. Двое были просто так, чем-то вроде носильщиков и мальчиков на побегушках.

– Ну, наконец-то! – загрохотал на перроне рокочущий командирский бас, и навстречу прибывшим по выметенному перрону зашагал приземистый, похожий на колобка военный в камуфляжном бушлате и такой же кепке, нахлобученной по самые уши. Круглая физиономия военного была красна от мороза, но он делал вид, что абсолютно его не замечает.

– Петр Семенович! – закричал в ответ Чижов, распахивая объятия. – Сколько лет, сколько зим! Страшно рад тебя видеть!

– Здравия желаю! – сказал военный. – С прибытием, Костя!

Они крепко обнялись. За бурной встречей почтительно наблюдали. Со стороны Чинова уже знакомые четверо сопровождающих, а со стороны военного – пятеро тепло одетых солдат гренадерского роста и долговязый лейтенант, который, несмотря на мороз, тоже был в кепи, потому что брал пример со своего начальника.

Мужчины разъединили объятия и, придерживая друг друга за плечи, заглянули обоюдно в глаза.

– Ну, брат, ты, я смотрю, заматерел здесь совсем! – посмеиваясь, заявил Чижов военному. – На медведя пригласил охотиться, а сам-то уже на медведя похож стал.

– Угол у нас тут такой, медвежий! – захохотал в ответ военный. – Без клыков никак нельзя. Да ты не обращай внимания. Ты тут всегда дорогой гость. Никто тебя не тронет, не дадим. Но нервишки пощиплем. На мишку-то, небось, никогда не охотился? Ничего, завтра с утра... А сейчас пускай твои ребята отдадут багаж моим орлам – и в резиденцию! Мы тут новую построили – по европейскому образцу! Для высокого начальства. А что – к нам в медвежий угол высокое начальство любит заглядывать. Не для разносу, заметь, а чтобы культурно отдохнуть. У нас такой воздух, такая банька, такая природа – нигде больше не найдешь! И мы сейчас первым делом в баньку, потом угощение, потом культурная программа. Ха-ха-ха! Ну до чего я тебя рад видеть, Константин! Спасибо, что выбрался!

– Ну а что? Бизнес бизнесом, а о себе тоже забывать не стоит, – заметил Чижов. – Я помню, как здорово мы в последний раз поохотились. Сколько уж лет прошло? Да, а ты, небось, уже генерал, признавайся?!

Военный покрутил головой.

– Рад бы, как говорится, в рай, – сказал он с сожалением. – Нет, полковник был, полковником и остался... Должность у меня такая, что не предполагает генеральских звезд, Костя. Часть небольшая, преимуществ и приятностей много, но вот карьерного роста здесь не предвидится. Переводиться надо. Но с этим я еще годок-другой погожу... Ну так что мы стоим! По машинам!

Вся компания двинулась мимо станционного здания к машинам, которые ждали на маленькой площади под засыпанными снегом соснами.

– Красота! – снова вздохнул Чижов, задирая голову. – М-м! Нет, не жалею, что выбрался! Будто в рай попал!..

– Это что! – засмеялся полковник. – Сейчас нашу баньку попробуешь, фирменную настоечку, прочие сопутствующие удовольствия – вот тогда и скажешь, где ты – в раю, или еще лучше... Ха-ха-ха!

– А тачка-то твоя все бежит? – сделал вид, будто удивился, Чижов, садясь в сиреневого цвета автомобиль, который был прекрасно ему знаком, потому что именно он продал это чудо техники полковнику Рыбину два с половиной года назад, сделав при этом весьма значительную скидку.

– А ты сомневаешься? – в свою очередь удивился полковник. – Тачка – зверь, не сомневайся. У нас тут, конечно, экстрим – обычное дело, но твоя голубка пока не подводила. Гололед, мороз, снегопад – ей все нипочем. Да сейчас сам убедишься!

Они уселись в машину, и полковник Рыбин повернул ключ в замке зажигания.

Они помчались, поднимая над дорогой снежную пыль. Два армейских уазика бодро поспешали за ними. Через полчаса небольшой городок исчез из поля зрения, но зато появилась затерянная в снегах, обнесенная солидной оградой воинская часть, которую возглавлял полковник Рыбин. Однако они миновали поворот дороги и помчались дальше – к синему хвойному лесу.

– Ты ничего не перепутал? – спросил Чижов.

– Я же говорю, у нас резиденция теперь новая, – хохотнул полковник. – Договорились с местными властями, с лесным хозяйством и возвели дворец под сенью, как говорится, и вблизи жемчужных струй... Увидишь! Ну а в столице как дела? Как бизнес? Тачки хорошо берут?

– А когда их плохо брали? – сказал после короткой паузы Чижов. – Это плохие берут плохо. А я плохими не торгую, сам видишь.

В тоне его звучало откровенное самодовольство, но на душе у Чижова вдруг стало спокойно. Потому что, по правде говоря, дела у него шли не слишком хорошо.

Нет, бизнес его процветал. Сеть дилерских агентств, которую он возглавлял, постоянно расширяла деловые контакты, неуклонно увеличивала объем продаж, доходы росли. С этим было все нормально. Но с некоторых пор личная жизнь Чижова оставляла желать лучшего. Не в том смысле, что его не любили девушки. Девушки его очень даже любили, несмотря на то что пошел ему уже пятый десяток, и у него самого дочь была девушка на выданье, и оттянуться он мог в лучших клубах и заведениях Москвы. Дело заключалось в другом – кто-то взялся портить ему кровь телефонными звонками с угрозами. Регулярно названивал – сначала по одному из служебных телефонов, потом, видимо, раздобыл личный номер. Претензии высказывал туманные, но резкие. Все время намекал на месть, которая вот-вот настигнет Чижова. Одним словом, ничего конкретного, чистое сумасшествие, но слушать это было неприятно. А самым скверным было то, что оставались неизвестными истинные намерения и личность звонившего. Кто это был, чего он хотел на самом деле? Пусть сумасшедший, пусть опасный, но если бы удалось увидеть его лицо, переживаний стало бы куда меньше. Незнание – вот что страшит более всего.

Чижов давно и успешно занимался бизнесом, знал в нем все ходы и выходы, давно прошел тот этап, когда нужно было буквально воевать за право зарабатывать деньги. Сто раз мог получить пулю в затылок. Однако не получил, утвердился, занял свою нишу. Теперь угроза физического устранения была для него не то, чтобы совсем неактуальна, но она потеряла прежнюю остроту. Дикие конкуренты сошли с дистанции, а нынешние предпочитали сначала договариваться. Размахивать пистолетиками было уже не так модно, как в былые годы. Откуда же вырвался этот странный мститель? Между прочим, он вообще ни о чем не собирался договариваться. Ему все было по фигу, кроме мести. Чижов попытался вычислить злоумышленника, но тот был хитер, а Чижову показалось глупым сосредотачиваться на этой сомнительной про-

блеме. Он решил, что все рассосется само и принял приглашение полковника Рыбина поохотиться на медведя в брянских лесах. Отдых был сейчас кстати, да и от докучливых звонков с угрозами следовало отвлечься. Разумеется, придется в ближайшем будущем делать скидку Рыбину – тот явно решил поменять тачку на более современную модель. Живет в глуши, а слабость к новым автомобилям питает сильнейшую. Кому он здесь в лесу пыль в глаза пускает?

Вот такие мысли тревожили Чигова, но вслух он их, конечно, не высказывал – болтал с Рыбиным о том о сем, не касаясь сокровенного. Ну а когда добрались до бани и праздничной закуски, разговор пошел совсем легкий. Посторонних никого не было – из военных присутствовали только два лейтенанта, которые заглядывали Рыбину в рот, носили за ним полотенце и подливали вина в бокалы. Стоило же ему чуть понизить голос, адресуясь исключительно к своему гостю, как оба молодых офицера тут же испарялись и отсиживались в темном углу, чтобы не дай бог не подслушать даже краткий обрывок не предназначенного для их ушей разговора. Из людей Чигова к столу был допущен Алексей Пьяных, человек серьезный, надежный, и вопреки своей фамилии, крепкий на голову. У него была располагающая внешность и свободные, но привлекательные манеры. Он всюду держался скромно, но с достоинством, и настроения в компании не портил. Тем более что Чигов всемерно ему доверял и чувствовал себя несколько неуютно, если Пьяных не было рядом. Даже полковник Рыбин относился к этому крепкому и сильному парню куда более уважительно, чем к собственным «орлам».

Время пролетело незаметно и весело. После хорошего ужина отправились в лес «пристрелять автоматы», потому что охоту на медведя полковник предполагал вести с помощью именно этого оружия, благо, что и самих автоматов и боеприпасов к ним хватало.

Натешившись вволю, задумали продолжить веселье, катаясь на снегоходах. Но уже начало темнеть, катание становилось опасным, и Рыбин рассудил, что увлекаться не стоит.

– Значит, так, сейчас еще по стопочке на сон грядущий, – заявил он, обнимая Чигова за плечи, – и на боковую! Завтра егеря нас рано поднимет. Но уж повеселимся от души!

Вернулись в лесной домик, который Рыбин с гордостью называл резиденцией. Выглядело это строение, и вправду, замечательно – изящный деревянный дом в два этажа, с высокой крышей, резной балюстрадой и фигурными окнами стоял в окружении заснеженных высоченных сосен. Вела к нему через лес превосходно вычищенная дорога. Перед самым домом протекала речушка, которая сейчас замерзла. Через речушку был перекинут мосток, похожий на игрушечный, с резными перилами. Перед мостом было организовано что-то вроде КПП со шлагбаумом и часовым в армейском бушлате. У часового даже автомат на плече висел – все как положено.

За домом располагались гаражи для транспорта – кроме автомобилей, там стояли снегоходы, без которых здесь пришлось бы туго. Имелись здесь и кухня, и домик для обслуживающего персонала, все честь по чести.

Несмотря на благие намерения, засиделись Рыбин с Чиговым до полуночи. Одной стопочкой дело не обошлось, но полковник заметил, что при чистоте здешнего воздуха спиртное нейтрализуется в организме мгновенно и вреда не приносит. Выпивали в комнате Рыбина, вдвоем. Вели разговор, на этот раз более конкретный. Рыбин, действительно, закинул удочку насчет приобретения новой машины, и Чигов, на самом деле благодарный за гостеприимство и находясь в предвкушении великолепной охоты, пообещал обеспечить полковнику нечто необыкновенное.

– Сделаем тебе, Петр Семенович, тачку! – веско заявил он. – Представь – салон просторный, хоть танцуй, контурная подсветка приборов, отделка из палисандрового дерева, и при этом скидку сделаем тебе – будешь доволен!

Окончательно повеселел и Рыбин. Он энергично потер ладони и объявил:

– Ну, удружил, Костя! Сам знаешь, как я технику обожаю! Но уж и мы тебе незабываемое приключение завтра обеспечим, будь спокоен! Ты только представь себе – лес, тишина, белое

безмолвие, как говорится. Ранний час. Природа еще спит. И мы – на лыжах, при оружии, нос по ветру... И вот она, берлога! Вся в снегу, только «чело» курится, это медведь дышит, представляешь? Мы подходим против ветра, будим мишку – и тут уж не зевай!.. Ха-ха-ха! Завалим медведя – повесишь у себя в офисе голову. Все обзавидуются!

Они тяпнули еще по рюмочке, еще раз по-дружески обнялись, и полковник проводил гостя в его комнату на втором этаже. Люди Чижова еще не ложились. Они почтительно дожидались хозяина в коридоре, все четверо, покуривая и беседуя о завтрашней охоте. Все были люди городские, и в охоте смыслили мало. Однако признаваться в этом никому не хотелось. Намеревались, что в свое время тоже побродили с ружьишком.

– Спать, братва! – скомандовал Чижев. – Командир сказал – завтра поднимет нас ни свет ни заря...

К часу ночи утомнились все. Маленькая лесная гостиница, освещенная мягким светом многочисленных галогенных ламп, погрузилась в сон. Отправился спать в сторожку даже часовой с автоматом. Ночью тут непрощенных гостей не ждали.

Чижев, сильно отяжелевший после съеденного и выпитого, кое-как разделся и рухнул поперек широкой, застеленной великолепной периной кровати. Глаза его слипались, мягкая кровать баюкала, как колыбель, искрящийся мягкий свет за окном действовал гипнотически. Чижев заснул. Все заботы и неприятности растворились в тишине и покое, которые казались незбылемыми, как сам суровый заснеженный лес за окном.

Пробуждение его было невероятным настолько, что Чижев не сразу поверил, что это пробуждение. Ему показалось, что он попал в ночной кошмар, вызванный неумеренным воздействием. В страшном сне из темноты ночи возник черный призрак, который приковал его к постели тяжелыми цепями и замкнул его уста колдовской печатью. Нужно было срочно просыпаться, и Чижев задергался, захрипел, закричал, попытался вскочить – и все напрасно. «Да что же это такое? – промелькнула в голове довольно ясная для кошмара мысль. – Похоже, я и в самом деле связан? Но этого не может быть! Как могло такое случиться? Что за бред?»

Но это был не бред. Подергавшись немного, Чижев начал все четче осознавать, что находится в самом плачевном положении, и происходит это, увы, не во сне, а наяву. Он понял, что запястья его и лодыжки туго стянуты веревочными путами, а рот надежно заклеен полоской скотча. Пока он спал, кто-то ловко упаковал его, точно посылку, приготовленную к отправке.

Первым делом Чижову пришла мысль о таинственных звонках с угрозами. А что если они были куда более серьезным делом, чем он пытался себе это представить? Что если он напрасно отмахнулся от этой проблемы?

Но звонки были в Москве, а она далеко. Как его могли достать тут, в медвежьем углу, в окружении друзей и вооруженных бойцов? Что происходит?

Единственное, что было доступно сейчас Чижову, это немного поднять голову и осмотреться. Тень у окна сразу бросилась ему в глаза. Человек стоял спиной к нему и рассматривал пейзаж за окном. Фигура этого человека показалась Чижову знакомой. Холодок страха медленно потек у него в животе, как будто он глотнул ледяной воды. Остатки опьянения улетучились в одно мгновение, но помочь это ему уже не могло.

Человек у окна медленно повернулся и размеренным шагом приблизился к кровати. Наклонился, внимательно посмотрел на напряженного, охваченного ужасом человека, которого он в одно мгновение обратил в своего пленника.

В комнате было темновато, но Чижев уже понял, кто перед ним. Это был сотрудник из его же фирмы, которого Алексей Пьяных захватил в поездку в качестве слуги, носильщика, курьера – без таких людей невозможно обойтись нигде. Кажется, его звали Владимиром, и работал он в фирме совсем недавно. Впрочем, раз Пьяных рассчитывал на этого парня, значит, доверял ему. Вообще-то провести Алексея было не так просто, но этому негодяю это, похоже, удалось.

Чижову очень хотелось, спросить, что все это значит, и каковы его перспективы в этой чудовищной игре. Но он начинал уже понимать, что ни его мнение, ни его вопросы тут никого не интересуют. «Что ему нужно хотя бы? – с тоской подумал Чижов. – Денег хочет? Или просто идиот? Хорошенькое дело! Приехал отдохнуть и попал в лапы маньяка. Солдаты с автоматами в пяти шагах, а я не могу даже пошевелить пальцем. А где же остальные мужики? Как этому удалось пробраться ко мне в комнату?»

Вопрос был чисто риторический. Пробраться к нему в комнату мог кто угодно – Чижов даже дверей не запирает. И уйти из своей комнаты Владимир мог, конечно, запросто – с какой стати кто-то за ним будет следить? Вообще, все происходящее было так невероятно, что ни с какой стороны не укладывалось в голову. Жаль только, что обсудить это сейчас абсолютно не с кем.

Маньяк Володя, кажется, понял направление его мыслей, потому что, закончив рассматривать беспомощного пленника, удовлетворенно хмыкнул и кивнул.

– Ну вот мы и проснулись, – очень тихо сказал он. – Чудесно. В нашем распоряжении есть часа два, господин Чижов. Потом мы разойдемся и, надо сказать, маршруты эти будут разные.

Чижову очень хотелось уточнить насчет маршрутов, но Владимир не был расположен к диалогу. Ему было необходимо выговориться самому.

– Только не думай, Чижов, что это банальное ограбление, – неожиданно переходя на «ты», сказал Владимир. – Хотя наличные у тебя из пиджака я забрал. Я не грабитель, но деньги мне всегда нужны. Накладные расходы большие. Дорога, проживание, документы, сбор информации, взятки служителям закона... Иногда, конечно, удастся сделать что-то на халяву. Вот, например, поездка сюда мне ничего не стоила, это правда. Ну и до этого ты мне платил месяца три-четыре, да? Не слишком щедро, но я на большее и не претендую, я неприхотлив. Да и не в этом смысл жизни, правда, Чижов? Смысл жизни в том, чтобы чувствовать себя на коне, верно? Ну вот сейчас я на коне, а ты под копытами. Как самочувствие? Тут и слов не надо – все у тебя на лице написано. А ты здорово постарел, а? Даже, кажется, сильнее, чем я, что вообще-то странно. Знаешь, какая у меня по твоей милости была жизнь? Ну откуда тебе знать! Ты меня отправил в плавание и на следующий день забыл об этом. Для тебя всегда было главным самоутвердиться. Неважно где – на помойке, в банде, в бизнесе. Важно было быть коноводом. Иногда, чтобы заработать дешевую популярность, приходилось устраивать дешевые трюки, верно? Например, гнобить кого-то ради общей потехи... Гнусное занятие, но оно того стоило, а? Ты теперь в шоколаде – так у вас говорится?

Владимир наклонился и фамильярно похлопал беспомощного Чижова по щеке.

– Мне стоило больших трудов остаться в живых, – доверительно сообщил он. – Я сто раз мог погибнуть. Но меня хранила ненависть. Я понял, что должен выжить, чтобы наказать вас всех. Нелегко было выжить, но и вернуться было не легче – снова войти в ту же реку... Найти вас, всех десятерых... Жаль, конечно, нужно было бы оставить тебя на сладкое, но слишком многое осложняет мою миссию. Приходится пользоваться любым удобным случаем. Разберемся с тобой сегодня, а потом и остальными займемся. Ты как, не поддерживаешь старых связей? А то могу подкинуть адреса... Хотя что я говорю? Они тебе не понадобятся больше. Встретитесь в преисподней, обменяетесь впечатлениями. Ну что же, пожалуй, хватит болтать. Осталось совсем мало времени. Сейчас я буду причинять тебе боль – долгую и неотвратимую, а проще говоря, буду мучить, чтобы ты понял, что я чувствовал тогда, много лет назад. Боль! И еще беспросветное одиночество, когда знаешь, что абсолютно никто тебе не поможет, и впереди у тебя ничего нет. Я до сих пор не могу избавиться от всего этого, но я могу поделиться с тобой и прочей сволочью, которая походя испортила мне жизнь...

Чижов не видел, что держит в руке Владимир, он только увидел, как тот внезапно взмахнул рукой, опустил ее, и обжигающая боль резанула внутренности. У Чижова перехватило дыхание. «Кажется, эта сволочь уделала меня кием! – эта мысль с трудом протиснулась сквозь

раздирающую кишки боль. – Захватил, наверное, в бильярдной. Я видел здесь бильярдную. Если он заглянул на кухню, то в ход может пойти вертел или чугунная сковорода? Неужели он задумал превратить меня в отбивную? Вот идиотская смерть! Но на что он все время намекал? Я не могу сосредоточиться, когда меня лупят по животу палками...»

Действительно, сосредоточиться было нелегко, особенно, когда прочный, как сталь, кий обрушился на его незащищенное тело. Он даже не мог облегчить страдания криком – рот был запечатан надежно. Он мог только извиваться на кровати и то в ограниченных пределах мешали веревки. Вообще, в сноровке, с которой Владимир связал его и обездвижил, чувствовался профессионализм.

«Кто ты такой?! – беззвучно вопил Чижов, принимая на себя все новые и новые удары. – Остановись, гад, пощади!»

Заткнутый рот сослужил неплохую, с одной стороны, службу. Позорных молений о пощаде его мучитель так и не услышал. Но с другой стороны, все складывалось именно так, как обрисовал Владимир – полная безысходность и невозможность что-либо изменить. Его забьют насмерть в двух шагах от собственных охранников и друзей. Что может быть отвратительнее и глупее? И он ничего, абсолютно ничего не может сделать, даже стонать ему удавалось с большим трудом, а силы быстро его оставляли, так быстро, что от этого делалось в два раза страшнее. Чижову всегда казалось, что, коли так случится, он выдержит и запредельные нагрузки и боль, и одиночество – все что угодно, а на деле оказалось, что хватило его совсем ненадолго. Слишком избаловали его большой город и большие деньги. Он разучился держать удар. А главное, он не сумел распознать близкую опасность и принять меры предосторожности. Такие ошибки жизнь не прощает никому. Придется теперь подыхать, как слепому котенку, которого злые дети решили забить палками.

И вдруг из коридора до его слуха донеслись встревоженные крики, которые разом уничтожили ночную тишину.

– Константин Михалыч! Вы там? Откройте! С вами все в порядке? – Чижов узнал голоса своих сотрудников.

Вслед за криками кто-то принялся ломиться в дверь. Прочная дверь не поддавалась, но трещала все более угрожающе. Обеспокоенные люди в коридоре всерьез намеревались выломать ее и должны были сделать это в самое ближайшее время.

Владимир отшвырнул кий в угол комнаты и шагнул куда-то в сторону, пропав из виду. Когда он появился, то на нем уже была куртка. Застегивая молнию, он сказал:

– Обидно! Что их всполошило? Все усилия пошли прахом, черт! Но ничего, в этом есть и своя прелесть. Твои страдания продлятся теперь чуть подольше. Но я все равно доберусь до тебя, как уже добрался до Смирнова, и как доберусь до остальных, до каждого. Я приду, чтобы отправить тебя через темную реку. Считаю меня своим Хароном. Харон приходит всегда – хочешь ты этого или не хочешь.

Дверь с грохотом опрокинулась, и в комнату ворвались люди. Несмотря на боль, Чижова охватил восторг. Он понял, что неведомым силам не удалось его уничтожить, и он будет жить дальше. А угрозы – что же, теперь он приложит все силы, чтобы отвести эти угрозы. Он найдет способ.

Кто-то попытался зажечь свет. Кто-то кинулся прямо к извивающемуся на кровати Чижову. Кто-то, наоборот, быстро разобравшись в ситуации, бросился к Владимиру. Но тот вдруг поднял руку, и в комнате прогремел выстрел. Один человек упал, все прочие отшатнулись и застыли на месте. Владимир выстрелил еще раз, выбил раму в окне и бесшумно, как привидение, выпрыгнул в окно.

Не прошла и минута, а где-то позади дома взревел мотор снегохода. В затуманенном мозгу Чижова мелькнула мысль о том, что Владимир приготовился к своему преступлению гораздо тщательнее, чем это можно было себе представить. Ну что же, у него было время,

чтобы продумать план действий. О том, куда они поедут с Чижовым, и что их ждет на месте, было известно за неделю. Для сообразительного человека этого времени достаточно.

В комнату ворвался полковник Рыбин в шелковой пижаме. Свет наконец загорелся. На секунду опешив от увиденного, Рыбин заревел, как медведь, и бросился к беспомощному гостю, едва ли не зубами разрывая на нем веревки.

– Мать твою! Ах, суки! – он поливал направо и налево отборным матом и оглядывался по сторонам безумными глазами. – Что сделали! Ты как, Костя? А это что?! Да тебя всего исполосовали!.. Ах, падлы! Где они? Догнать! Где солдаты? Немедленно сюда начальника караула!

В коридоре уже вовсю топали тяжелые сапоги. Вбежали бойцы в наспех напяленных полушубках. Полковник с ненавистью посмотрел на них и заорал:

– Спите?! Где офицеры?! Всех сюда! Догнать эту гадину! А этих в часть срочно – к доктору!

Кто-то уже поднимал с пола окровавленного Алексея Пьяных. Стиснув зубы, он успокаивающе мотал головой.

– Ерунда! – процедил он. – Задело немного. Сейчас я оклемаюсь...

Он действительно встал и тут же метнулся к хозяину.

– Вы как, Константин Михалыч? Это он? Это Владимир? Ах, гад! Кто мог подумать?

Рыбин сорвал с губ Чижова скотч, схватил его за плечи и впился глазами в его бледное лицо. Чижов застонал.

– Что за Владимир, мать его? – не обращая внимания на причиняемую собеседнику боль, рывкнул полковник. – Это твой, что ли? Чего он хотел? Кто он такой? Ничего, сейчас мои орлы его догонят...

В комнату вбежал один из «орлов», беспомощно развел руками.

– Товарищ полковник, – трагически воскликнул он. – Он через лес рванул на снегоходе. Наверное, к железной дороге. Или на трассу. А у нас все остальные снегоходы не заводятся. Наверное, этот хрен их испортил...

– Всех в ружье! – заорал полковник, вскакивая. – В часть звонить! Общая тревога! Мы его поймаем!

Он опять бросился к измученному Чижову.

– Держись, Костя! Мы этого подонка достанем! Ты мне объясни, кто он такой! Говорить можешь?

– Могу, – через силу ответил Чижов. – Только не знаю я, кто он такой. Он недавно у меня работает. Не знаю.

Но он уже догадывался. Только не знал, стоит ли говорить об этом вслух.

Глава 4

– Ну и куда мы с тобой приехали? – поинтересовался Гуров, когда полковник Крячко остановил свой потрепанный «Мерседес», которым очень гордился, возле мрачного, погруженного в вечерний сумрак корпуса.

Поблизости не горело ни одного огонька. Только в конце улицы ослепительной точкой выделялся укрепленный на высоком бетонном заборе прожектор. Это было как бы компенсацией за темноту во всех прочих уголках квартала. Полного мрака, впрочем, все равно не было, потому что повсюду лежали пласты сухого, сероватого снега. Снегоуборочные машины сюда явно не добирались ни разу за весь сезон.

– Диковатое местечко! – сказал Гуров, неодобрительно качая головой. – Как ты его только нашел, не понимаю! Что это такое вообще?

– Бывший цех по производству каких-то втулок для судовых двигателей, – объяснил Крячко. – Примерно так. Вообще, это совсем не важно, потому что все это производство давно остановлено, а здания подлежат сносу. Говорят, здесь будет большой торговый комплекс, в который вложат деньги голландцы и немцы.

– Это обнадеживает, – насмешливо отозвался Гуров. – Но мы с тобой что здесь забыли? Надеюсь, ты не вложил свои деньги в акции этого призрачного предприятия?

– Нет-нет, не вложил, – посмеиваясь, ответил Крячко. – Я их в другое вкладываю. А здесь у нас с тобой запланирована интересная встреча. Помнишь ведь, что сказал нам напарник Трунина, проводник железнодорожного состава Москва – Хабаровск?

Гуров помнил проводника прекрасно и слова его тоже. Поиски убийцы тренера Смирнова зашли в тупик. Тот оказался слишком расторопным. Возможно, ему везло. Но по свежим следам взять его не удалось, а дальше все остановилось. Гуров проверил связи Смирнова, пытаясь нащупать причины, которые могли бы способствовать его гибели, но ничего не нашел. Жизнь тренера оказалась на редкость бесцветной и небогатой приключениями. Денег больших у него не водилось, явных врагов не имел, с соседями ладил, женщинами не увлекался, большую часть времени проводил на работе. Единственной его слабостью было спиртное, но и тут Смирнов полностью оправдывал свою фамилию. Эксцессов, связанных с пьянством, за Смирновым не числилось. За что было его так жестоко убивать – Гуров не мог себе представить.

Пришлось прислушаться к словам эксперта Митрохина и потревожить в больнице проводника Трунина, хотя сначала Гуров отнесся к предположениям сердитого эксперта с изрядной долей скепсиса. Не такая уж редкость беседочный узел, да и веревка преступниками используется так же часто, как ломик и отмычка. Гурова, пожалуй, больше заинтересовал предполагаемый мотив мщения, который отчетливо просматривался в деле проводника Трунина и смутной тенью едва обозначался в деле, которое вели Гуров с Крячко. И что казалось Гурову самым интересным – непонятно было, за что мстили. Непонятно было Гурову, за что мстили Смирнову, но и проводнику Трунину самому было непонятно, за что мстят ему. Если верить его словам, жизнь его протекала ничуть не веселее, чем у покойного тренера. Разве что дальние поездки отчасти ее скрашивали, но и они давно превратились для Трунина в рутину. Притом человек он был неконфликтный – так он сам говорил о себе, и то же самое подтверждали его коллеги по работе.

Но все-таки один человек сказал Гурову нечто большее. Правда, сначала пришлось опросить множество проводников-железнодорожников, которые работали вместе с Труниным. Ничего необыкновенного ему не рассказали, хотя приключений на железной дороге эти люди могли припомнить немало. Однако, по их словам, выходило, что приключения приключениями, а жизнь течет своим чередом. Железная дорога накладывает на человека неизгладимый отпечаток, но в то же время приучает его к пунктуальности и порядку. Все расписано по часам

и даже минутам, каждый день похож на вчерашний. Пассажиры приходят и уходят. Редко кто из них задерживается в памяти. Ко всякого рода недоразумениям и скандалам проводники привыкли и не принимают их близко к сердцу. Бывает, доходит дело и до прямых угроз, но в исполнение они приводятся редко. А Трунин – человек вообще неконфликтный, врагов старался не наживать.

И вдруг один из служащих вокзала, бывший проводник по фамилии Засекин, вспомнил:

– А знаете, – сообщил он Гурову, почесывая в затылке. – А ведь незадолго перед этим несчастьем вертелся тут один, все выпрашивал про Трунина – когда у него смена, где он живет, да как его можно увидеть. Само по себе ничего особенного, тем более, этот человек утверждал, что он родственник Григорию по жене. Дело житейское, но мне две вещи не понравились. Во-первых, я Трунина хорошо знаю, мы с ним раньше вместе работали. Он женат никогда не был. А во-вторых, человек этот не был никаким его родственником. Он меня просто забыл, а мне его однажды во время рейса показывали. Это вор. Он по поездкам специализируется. Потому меня и предупреждали. Правда, в тот раз он ничего не спер, но я его личность хорошо запомнил. Нам без этого нельзя. Такие кадры должны всегда на примете быть. Все-таки мы за пассажиров и их имущество ответственность несем. Бдительность нужна. Но в тот раз обошлось. Вот только я никогда не предполагал, что этот Паук – у него кличка такая – заинтересуется Труниным, да еще представится родственником. Меня это сразу насторожило, я еще хотел на всякий пожарный с Григорием поговорить, да не получилось увидеть, а тут вон какое несчастье случилось!.. Надо бы навестить его в больнице, да все опять недосуг...

– Его пока не нужно навещать, – предупредил Гуров. – Он просил держать свое местопребывание в секрете. Не то, чтобы я вам не доверяю. Но секрет он только тогда секрет, когда для всех, правильно? Вот вы, кстати, с этим Пауком разговаривали – что ему про Трунина рассказали?

– Я ничего, – твердо ответил Засекин. – Но за других не уверен. Он наверняка не со мной одним контактировал. Что-нибудь да пронюхал. Не военная же тайна! А вскоре на Гришу и напали. Опять же у нас тут никто ничего толком не знал, пока следователь не начал работать, милиция... Тогда только мы услышали. А он, значит, говорите, прячется теперь?

– Не скажу, что прячется, – возразил Гуров. – В общем-то, лечится человек. Переломал себе руки-ноги, теперь жди, пока срастется. А инкогнито на всякий случай соблюдает, это верно. И правильно, скажу, делает. Пока не выясним, что это нападение означает, и кто его устроил, лишний раз на рожон лезть не стоит. А за то, что про Паука вспомнили, за это спасибо. Это может оказаться очень важным.

В базе данных МВД Паук, разумеется, числился, но в последнее время про него вспоминали редко. Говорили, что он то ли завязал, то ли сильно приболел, одним словом, как бы выключился из процесса добывания денег незаконным путем. Но на легальное положение он все равно не переходил, жил неизвестно чем и неизвестно где скрывался. По другим сведениям, он перешел с краж в поездах на что-то менее обременительное. Как будто бы он имел теперь какое-то отношение к «одноруким бандитам», которые выставлялись нелегально в некоторых торговых точках, – то ли охранял их, то ли владел какой-то частью подпольного игрового бизнеса. Но все это не выходило за рамки слухов, а в руки милиции Паук в последнее время не попадался. Гуров предполагал, что истина может оказаться где-то посередине, и Паук действительно занимается чем-то вроде игорного бизнеса, но не в Москве, а где-нибудь на ее окраине. Привычка ездить на поездах могла завести его далеко.

Но теперь, по словам Засекина, получалось, что Паук все-таки находится в столице, а если о нем ничего не слышно, то это просто недоработка их собственного ведомства. Гуров, однако, не стал организовывать усиленные поиски Паука, но попросил полковника Крячко предпринять кое-что в этом направлении. Как человек широкой души, больших возможностей и простых манер, Станислав легко находил общий язык с представителями любой части обще-

ства, в том числе и с некоторыми членами преступного мира. Ему частенько удавалось склонить кого-нибудь из них к сотрудничеству, а попросту говоря, сделать информатором. Такие помощники иной раз могли предоставить такую информацию, какой не содержалось ни в одной официальной базе данных.

Гуров догадывался, что полковник Крячко вывез его в этот глухой район на северо-востоке столицы не просто так, а желая преподнести сюрприз и, скорее всего, этот сюрприз касался именно Паука, потому что никаких других сюрпризов в данный момент Гуров от Станислава не ждал. Недоумевал же он больше для виду, потому что в принципе не любил сюрпризов. Можно было объяснить все с самого начала, без этого дешевого антуража. Тем более что местечко для встречи было выбрано неудачное.

– Клиент никак не пожелал встретиться ближе, – будто угадав мысли Гурова, объяснил Крячко. – Дело в том, что Паук и в самом деле сменил род занятий. То есть землю он, конечно, не пашет и фановые трубы не прочищает, но и на поездах тоже в последнее время катается редко. Он и в самом деле тяжело болел, долго лечился, едва выкарабкался и теперь как бы пересмотрел свою жизненную позицию. Мне намекнули, что он почти остепенился, в рискованные предприятия не пускается. Будто бы он занялся теперь скупкой краденого, барыгой заделался. Хату где-то снимает, точно неизвестно где. Вот один человек и пообещал показать мне эту хату. Но по некоторым обстоятельствам ближе встречаться не захотел. Заявил, что если его в компании с нами увидят, то конец всей его карьеры. Это Леха-Ковер, может, припоминаешь такое погоняло? Он когда-то с ковров начинал. Помнишь, раньше ковры какой популярностью пользовались? Ну вот он за эти ковры трижды сидел, пока ума-разума не набрался. Теперь-то он прилепился к букмекерам, а это люди серьезные. Если заподозрят, что он стукач, мигом глотку перережут.

– Ясно, – сказал Гуров. – Как же ты его укалякал на переговоры?

– Да за деньги, – с легкой досадой ответил Крячко. – Он оценил свои услуги не слишком дорого – в двести зеленых.

– Каков наглец! – удивился Гуров.

– Да ты понимаешь, я ведь не сам его нашел, через десятые руки, – объяснил Крячко. – Как самородок искал, промывал сотни тонн породы. У меня на него абсолютно ничего нет. Это уж он, можно сказать, снизошел...

– Тогда почему так мало запросил, если снизошел?

– Он из принципа ничего даром не делает, а эту плату назвал символической. За такие бабки, говорит, рисковать шкурой согласен только из уважения к вашему послужному списку. Я, говорит, четко различаю, когда мент правильный, а когда...

– Ну, если тебе двух сотен не жалко, что тут скажешь! – проворчал Гуров и открыл дверцу. – Скоро урки к тебе в очередь будут выстраиваться.

– Да нет же у нас ничего на этого Леху! – воскликнул Крячко. – Хоть одна зацепка бы! Я вообще с ним раньше, можно сказать, не встречался. Один или два раза видел. Он ведь спокойно мог отказать. А нам же нужен Паук?

– А черт его знает, нужен он нам или нет, – с раздражением ответил Гуров.

Он отошел на шаг от машины и еще раз внимательно огляделся. Мрачная холодная громада цеха безмолвствовала. Мелкие снежинки тускло сверкали в ночном сумраке. Ни единой живой души в этом месте не было уже, по крайней мере, с месяц – так показалось Гурову.

Этой мыслью Гуров незамедлительно поделился с другом. Крячко почесал переносицу, зорко взглянул направо и налево, а потом высмотрел в полумраке пролом в бетонной стене.

– Предлагаю войти, – галантно сказал он Гурову. – Главный аттракцион внутри. Прошу в наше шапито.

– Ну пойдем, раз уж ты меня сюда притащил! – вздохнул Гуров. – Хотя сразу оговорюсь, твоя затея не кажется мне конструктивной. Редкая птица долетит до середины Днепра, то есть

до этого глухого уголка, чтобы разжиться двумя паршивыми сотнями. Если так дело обстоит, значит, бизнес у твоего Ковра идет совсем скверно, а нас он с тобой кинет и убежит с твоими деньгами через запасной ход.

– Тебя не поймешь, – пробурчал Крячко, ныряя в темный лаз. – То я слишком щедро плачу за информацию, то оказывается, что мои две сотни паршивые. Ты мне покажи олигарха, который откажется от дармовых бабок! Две сотни за два слова – это хороший бизнес!

– Ладно, это не моя грядка, – сказал Гуров. – Ты сам все придумал, тебе и решать... Ах, ты, зараза! Тут сам черт ногу сломит! – он споткнулся о какую-то трубу и едва не упал. – И, кстати, иди вперед, а то я ничего тут не знаю.

– Можно подумать, что я тут провел свое счастливое детство! – хмыкнул Крячко, однако вперед выдвинулся. – Просто нужно быть внимательнее. Кругом вон сколько снега нанесло – светло как днем.

Они прошли еще несколько метров и уперлись в кучу сваленных как попало труб большого диаметра. Из-за этой кучи вдруг выдвинулась темная фигура в пальто с поднятым воротником и простуженным голосом сказала:

– Начальник, ты?

– Ага, вот и Леха-Ковер! – обрадовался Крячко. – Не подвел! Молодец! Ну так что, время позднее, давай, сразу води нас туда, где Паук живет! Как говорится, с утра выпил – весь день свободен.

– Вот именно, с утра, – гнусаво сказал Ковер, подозрительно всматриваясь в непроницаемое лицо Гурова. – А сейчас, как правильно изволили выразиться, уже вечер. Торопливость сейчас ни к чему. Тем более что не покажу я тебе, начальник, где Паук живет, не знаю.

Наступила театральная пауза, после которой Крячко бесцеремонно сгреб вора за грудки и, хорошенько встряхнув его, выдохнул ему прямо в лицо:

– Ты у нас шутник, что ли? Это не ты, случайно, по воскресеньям в «Кривом зеркале» выступаешь? Мы с товарищем любим хорошую шутку, но только не в такое время и не в таком темном месте. Так что давай перейдем к теме нашего разговора, пока я не разозлился по настоящему!

– погоди, начальник! – зашипел Ковер, вертя головой, как человек, у которого слишком туго затянут галстук. – Мы же ни о чем с тобой не договаривались. Я сказал: может быть. Думал, сумею узнать, а не сумел. Извини, начальник!

– Ты меня за полного идиота держишь? – изумился Крячко. – Это ты в такую даль притащился, чтобы просто передо мной извиниться? Может, ты за это извинение рассчитываешь две сотни получить?

– Не надо мне денег, – тоскливо сказал Ковер, продолжая озираться по сторонам. – В натуре, давай забудем, а? Ну, не сложилось!

– Ах, ты!..

Казалось, в следующую минуту Крячко вытряхнет душу из своего информатора. Но тут Гуров крепко взял друга за плечо и негромко сказал:

– Охолопись! Неужели ты не понимаешь, что ехал он сюда не затем, чтобы сказать «извините»? Ехал он сюда, как вы и договаривались, по делу, но в дороге с ним что-то случилось. Так ведь, Ковер?

– Может, и так, начальник, – утомленным голосом произнес Ковер, обвисая в руках Крячко, как слутый воздушный шарик. – Жизнь, она такая – полоса белая, полоса черная.

– Ты нам теперь притчи будешь рассказывать? – сердито спросил Крячко, отпуская, однако, вора на волю. – Раз пришел – значит, выкладывай информацию. А то я тебя сейчас быстро арестую – за полтора грамма кокаина. Этого хочешь?

– Ты, начальник, наверное, думаешь, что страшнее твоего ареста ничего на свете нету, – криво усмехнулся Ковер, отряхивая пальто. – Да и не пойдешь ты на такое. Это я тебе, может,

не известен, а про вас братва все знает. Не станете вы улики подбрасывать, потому что по старым принципам живете. Я вас уважаю, но, знаешь, как говорят, своя рубашка ближе к телу.

– Значит, и правда, что-то ты почуял, – заключил Гуров. – За тобой следят? Лучше сразу скажи, чтобы избежать неприятностей. А то у нас это обычное дело. Вы жеманитесь-жеманитесь, а потом ваши трупы...

Что происходит потом с трупами, Гуров объяснить не успел, потому что в этот момент откуда-то сбоку от бетонной коробки мертвого здания прозвучал скрип то ли железной проволоки, то ли слежавшегося снега, а потом размеренно хлопнули подряд два выстрела. Ковер вскрикнул и, схватившись за бок, стал крениться вправо. Полковник Крячко подхватил его под мышки и как котенка швырнул в жерло огромной трубы, возле которой они стояли. Затем он и сам нырнул туда.

Гурову в лицо брызнула ледяная крошка. Над ухом свистнула пуля. Он нырнул вниз и, спрятавшись за какой-то балкой, лихорадочно стал нащупывать под курткой и пиджаком лежавший в кобуре пистолет.

Стрелявшие на миг остановились. Они находились метрах в тридцати от Гурова и, наверное, не были уверены в положительных результатах своих усилий. Наскоро посоветовавшись, а точнее, перекинувшись двумя-тремя обрывочными фразами, они рассыпались и хищным звериным шагом помчались туда, где прятался Гуров. Он наконец сумел выхватить из-под одежды оружие и сделал предупредительный выстрел в воздух.

– У него воляна! – разочарованно крикнул кто-то из нападавших, и, точно услышав долгожданную команду, все они повернули назад.

Через несколько секунд вся банда могла исчезнуть в сумрачных недрах заброшенного завода.

– Лева! – прошипел откуда-то из-под руки полковник Крячко. – Наш стукач готов. Не знаю уж, что там у них за Робин Гуд, но, похоже, пуля в сердце попала. В общем, скончался Леха-Ковер, а мы остались у разбитого корыта.

– Что выросло, то выросло, – мрачно сказал Гуров. – Теперь нам с тобой главное – самим под пулю не попасть. Я это к тому, что этих брать надо во что бы то ни стало. Иначе завтра мы будем выглядеть полными дураками. Сходили, называется, на свидание!

– Я в обход! – деловито сказал Крячко, вскакивая и бросаясь вдогонку за бандитами. – А ты пока пугни их, Лева!

Он побежал куда-то в сторону, огибая сваленные в пирамиду трубы и исчез. Гуров поймал на мушку растворяющуюся в сумраке фигуру и нажал на спусковой крючок. Бабахнул выстрел. Фигура неуклюже подпрыгнула, присела и пропала из виду. Две другие бросились к ней и попытались сдвинуть ее с места. У них это получилось не сразу. Они тревожно оглядывались.

«Нападение на представителей власти, плюс убийство, скорее всего, преднамеренное – с таким букетом вам, ребята, на мой гуманизм рассчитывать нечего! – сердито подумал про себя Гуров и с осторожностью стал приближаться к беглецам. – Кто бы вы ни были, а отвечать вам придется! Обнаглели, сволочи! Хватаются за пистолет, как за коробку спичек! Но уж раз пошла такая пьянка, то режь последний огурец!»

Он уже был совсем близко от убегающих бандитов. Хотя назвать их убегающими сейчас можно было с натяжкой. Сейчас двое из них пытались сдвинуть с места третьего, который, сидя на грязном снегу, вяло отругивался и отталкивал своих спутников, потому что пуля Гурова все-таки задела его.

– Нога! Тише, говорю, нога! Ой-ей! Осторожнее, падлы!

– Какая нога, придурок! Сваливать надо! – убеждали его.

Один из убегающих, увидев, что Гуров совсем близко, запаниковал и побежал в одиночку, нырнув в здоровенную трубу, которая перегораживала половину двора. Напоследок он

еще и выстрелил. Наверное, в стальной трубе он чувствовал себя в безопасности. Пуля, которую он выпустил, взвизгнула под ногами у Гурова и принялась скакать между металлических и каменных обломков, валявшихся кругом.

Другой бандит в сердцах пнул своего раненого приятеля и тоже бросился в сторону, но уже в противоположную.

– Куда, суки! Не бросайте меня! – завопил раненый, корчась на асфальте и пытаясь встать. – Да подождите же, волки, я с вами! – орал он, проявляя при этом непоследовательность: ведь он только что отказывался куда-либо идти.

Однако, несмотря на все его усилия, ноги отказывались его держать, и после нескольких безуспешных попыток устоять, бандит с руганью и воем грохнулся обратно на землю. Гуров пробежал мимо него, не обращая внимания. Этот все равно не мог далеко уйти. Нужно было догонять второго. Тот шарил вдоль высокого забора, не смущаясь тем, что повсюду были нагромождены какие-то проржавевшие металлические узлы и трубы, о которые в любую минуту можно было переломать не только ноги, но и все остальные кости. Видимо, он знал, в каком месте есть проход в бетонной стене, и мчался сейчас к нему. Гуров оглянулся. Кроме стонущего и причитающего раненого, никого видно не было. К счастью, убегающий от Гурова человек не имел при себе огнестрельного оружия. Но у него было преимущество, которое он не собирался упускать. Бандит добежал до места, где в заборе оказалась железная калитка, рывком распахнул замерзшую скрипучую дверь и выскочил на улицу. Калитка лязгнула и закрылась перед самым носом Гурова.

Одним махом открыть ее снова не удалось, а когда Гуров вслед за бандитом выбежал на улицу, там уже никого не было. Отчаянно вертя головой, Гуров побежал в одну сторону, потом вернулся, заглянул в несколько темных углов – напрасно.

– Ушел, гадюка! – с досадой пробормотал Гуров, ударяя кулаком по твердой, как скала, стене.

Но переживать по этому поводу было некогда – будто в ответ на удар Гурова из-за забора прогремел приглушенный расстоянием выстрел. Гуров бросился обратно. Он представил себе самое скверное – беспомощного Крячко, сидящего на холодном асфальте, залитого собственной кровью...

Как это обычно бывает, страшные фантазии на деле оказались просто фантазиями. Когда Гуров вернулся на то место, откуда начал погоню, его ждали два приятных сюрприза. Раненный им в ногу бандит, заметив приближающуюся фигуру Гурова, уже издали льстиво крикнул:

– Обратите внимание, гражданин начальник, я сопротивления не оказывал! Хотя, напротив, пострадал от ментовской пули. Можно сказать, невинно. Моей вины тут вообще нету. Я просто компанию поддержать. Мне сказали, что стукач завелся и разобраться с ним надо – я и пошел. Стукачей нигде не любят, сами знаете...

Он тянул к Гурову руку, точно прокаженный, увидевший мессию. Но Гуров сейчас даже не обратил на него внимания, потому что увидел впереди силуэт друга, живого и здорового, да еще и волокущего за собой упирающегося пленника. Впрочем, упирался тот больше для проформы, желая сохранить лицо, потому что Крячко был явно сильнее и тяжелее его килограммов на двадцать пять, и к тому же уже успел надеть на бандита наручники.

– Напоследок шмальнул в меня, гад! Сморчок весенний! – с веселым негодованием сообщил Крячко. – Из трубы прямо на меня выскочил и шмальнул. Но, видать, сам так напугался, что с двух метров не попал. А я ему подножку, руку на излом, оружие на землю и самого мордой в асфальт. Главное, что улика теперь налицо – пистолетик-то я прибрал. С пальчиками, между прочим. Молодец, без перчаток работает, мороза не боится, настоящий мужик!

«Настоящий мужик», субтильного телосложения, был весьма неплохо одет и на громилу из подворотни походил мало. Но когда Гуров присмотрелся к его физиономии, то с удовлетво-

рением понял, что в руки им попался тот, кого они, собственно, и хотели найти. Перед ним стоял Паук собственной персоной. Он был мрачен, прятал глаза и сопел.

– Ну так, – объявил Гуров. – Мы тебя искали, чтобы мирно поговорить, а ты подставился по полной программе. Человека убил, в представителей власти стрелял... Оружие, которым совершено убийство, – вот оно. Ну и что будем делать, Паук?

Поняв, что инкогнито его раскрыто, Паук не сделался разговорчивее. Он только глубоко задумался, и постепенно на лице у него все яснее обозначалось выражение глубокой досады. Похоже, он только теперь стал понимать, какого сваял дурака.

– Зачем искали-то? – наконец мрачно спросил он. – У меня с законом никаких осложнений. А насчет убийства, его еще доказать надо. Может, это самооборона была? Он меня грозился замочить. И свидетели найдутся.

– Свидетели, точно, найдутся без труда, – согласился Гуров. – Вон один сидит, а второго ты, надеюсь, сам назовешь. А то ведь совсем никаких шансов оправдаться у тебя не будет. Будет все, как я сказал. Не тешь себя пустыми надеждами.

– Ты зачем же, дурашка, Леху-Ковра пришел? – спросил Крячко, дергая Паука за воротник пальто. – Мозгов у тебя совсем нету, что ли?

– Да я что, думал, что оно вот так получится? – неожиданно зло сказал Паук. – Мне намекнули, что Ковер про меня интересуется, хотя у нас с ним никаких дел отродясь не было. Ну я и подумал, что обрезать ему язык надо. Откуда же я знал, что так оно получится? Вы бы на моем месте...

– Мы на твоё место не претендуем, – усмехнулся Крячко. – Незавидное местечко. А ты бы, прежде чем делать, головой иногда думал бы. Не прикончил бы Ковра, так сейчас просто бы потолковал с нами пять минут, да домой пошел.

– Смотря о чем, – вновь мрачней, сказал Паук.

– Ты не так давно железнодорожника одного разыскивал, – сказал Гуров. – По фамилии Трунин. Зачем?

Хмурая физиономия Паука просветлела. Этот вопрос его явно не смущал. Он не видел в нем ничего для себя опасного.

– А, так это меня один человек попросил. Мы с ним в боулинг вместе играли, пиво пили. Культурно проводили время, короче. Вот он мне и рассказал, что один мужик к его жене клинья подбивает. Ну, типа, ему часто из дома отлучаться приходится по делам, а она хвостом крутит. И вот вроде с этим хмырем. Мне, говорит, неудобно светиться, мало ли чего... Вот и попросил разузнать про его обстоятельства жизни. А чего?

– А ничего, – ответил Гуров. – Будешь нам сейчас мозги пудрить, что не знаешь, как найти этого человека? Как и где вы встречались?

– В клубе для боулинга. Но он туда уже вторую неделю не ходит, – сказал, немного подумав, Паук. – Где живет – не знаю, говорю сразу.

– Ну, Паук, держись! – тяжело вздохнув, промолвил Крячко. – Сейчас я из тебя масло жать буду. Не знает он!..

– Правда, не знаю, – быстро ответил Паук. – Но у меня есть номер его мобилы.

Глава 5

Анатолий Дмитриевич Кашеев, чиновник из отдела культуры, вернулся из столицы в Раменское около восьми часов вечера. День был воскресный, и визит Анатолия Дмитриевича в столицу носил неофициальный характер. Но вопросы он сегодня решал основополагающие, круто меняющие его судьбу и карьеру. Анатолию Дмитриевичу удалось сегодня встретиться с весьма влиятельными людьми и произвести на них самое благоприятное впечатление. Теперь вопрос о его переводе в федеральное министерство можно было считать решенным. Осталось только выполнить формальности, дожидаться официального решения, но это ожидание было сладким, его можно было назвать предвкушением новой жизни. Перейти на абсолютно другой уровень существования – это не гусь чихнул. Конечно, пришлось приложить много сил, провести огромную подготовительную работу, да что там греха таить, пришлось умасливать и склонять на свою сторону массу людей, пришлось идти на всякое. Чистоплюи могут осуждать его, но по-человечески он прав. Может быть, он не сохранит ангельскую чистоту, но зато обеспечит благополучную жизнь и себе, и своим детям и внукам. Это важнее. Ангельская чистота нужна на небе, а на земле нужно кое-что попрочнее, посущественнее. Нужны деньги, возможности, перспективы, власть, недвижимость. Да мало ли о чем нужно позаботиться в этой жизни!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.